

Научная статья

УДК 821.161.1.09“18”

DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862

В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского

Ю. Н. Сытина

Московский государственный областной университет

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: yulyasytina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема поиска двумя писателями-современниками — Ф. М. Достоевским и В. Ф. Одоевским — «положительно прекрасного» героя. Для этого сопоставлены образы князя Мышкина из романа «Идиот» и главного героя драматического отрывка «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия». Общность Мышкина и Сегелиеля прослеживается уже в истории создания образов: в статье выдвигается гипотеза, что за осозанным или подсознательным стремлением обоих писателей заменить мрачного и грешного героя «положительно прекрасным» проступает пасхальный архетип. Мышкина и Сегелиеля объединяет сострадательная, самоотверженная и деятельная любовь к людям, но оба они изначально чужды окружающим, инаковы по самой своей природе и осознают эту инаковость. Герои не принимают «земной» иерархии людей, непонятны другим и смешны с точки зрения «здорового смысла». В то же время у них немало различий. Сегелиель, хоть и дух, рационален и делает ставку на законы и науку; Мышкин, напротив, устремлен к мистическому переживанию жизни. Неудачи ведут Мышкина ко смирению, в Сегелиеле — порождают бунт. Герой Достоевского стремится бежать от мира, Одоевского — исполнен решимости вмешаться в ход земных дел. Сегелиель хочет переделать мир без Бога, не имея упования на Творца и ропща на него — в его метаниях угадывается сложная диалектика добра и зла, выстраиваемая бунтарями из романов Достоевского. При этом важно различать позиции Сегелиеля и самого Одоевского, далеко не во всем согласного со своим героем. Произведения Одоевского и Достоевского объединяет не только схожесть главных героев, но и общие мотивы детства и юрродства, соединившие Мышкина и Одоевского, персонажа и писателя. Множество пересечений между образом Сегелиеля, его автором и образом князя Мышкина позволяют выявить тот культурный код, который проступает в творчестве русских писателей, стремившихся в грубой телесной оболочке, неизбежно несвободной от первородного греха, найти земное воплощение правды, добра и красоты.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, «положительно прекрасный» герой, традиция, культурное бессознательное, архетип, литературные переключки

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00064).

Для цитирования: Сытина Ю. Н. В поисках «положительно прекрасного» героя: князь Мышкин Ф. М. Достоевского и Сегелиель В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 173–193. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862

In Search of a “Positively Excellent” Hero: Prince Myshkin by F. M. Dostoevsky and Segeliel by V. F. Odoevsky

Yuliya N. Sytina

*Moscow State Regional University
(Moscow, Russian Federation)
e-mail: yulyasytina@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the searches conducted by F. M. Dostoevsky and V. F. Odoevsky for a “positively excellent” hero. It compares the images of Prince Myshkin from *The Idiot* and the hero of the dramatic excerpt *Segeliel, or Don Quixote of the XIX century*. The similarity between these two characters is reflected as early as in the history of their creation. The authors hypothesize that in both cases an Easter archetype emerges behind the conscious or unconscious desire to substitute a grim and sinful character with a “positively excellent” one. Myshkin and Segeliel love the world with a compassionate, selfless and active love, but they are alien to other people, differ by their very nature and are aware of this otherness. The heroes do not accept the “earthly” hierarchy in relation to people, they are incomprehensible to others and are laughable from the point of view of “common sense.” At the same time, there are numerous differences between them. Segeliel is a spirit, but he is rational, he believes in laws and in science. Myshkin strives for a mystical experience of life. Failures lead Myshkin to humility, and Segeliel to rebellion. Dostoevsky’s hero seeks to flee from the world. Odoevsky’s hero wants to intervene in earthly affairs. Segeliel wants to remake the world without God. He does not believe in the Creator and repines against him. Segeliel’s throwings are reminiscent of the complex dialectic of good and evil, construed by rebels from Dostoevsky’s novels. At the same time, it is important to distinguish the positions of Segeliel and Odoevsky himself, who is not in complete agreement with his hero. Certain common motifs, i.e., those of childhood and foolishness for Christ, create parallels between Myshkin and Odoevsky, the character and the writer. The many intersections between the image of Segeliel, his author and the image of

Prince Myshkin allow us to identify the cultural code that appears in the works of Russian writers who sought to find the earthly embodiment of truth, goodness and beauty in a rough physical shell, inevitably hindered by original sin.

Keywords: F. M. Dostoevsky, V. F. Odoevsky, “positively excellent” hero, tradition, cultural unconscious, archetype, literary roll calls

Acknowledgments: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 20-78-00064.

For citation: Sytina Yu. N. In Search of a “Positively Excellent” Hero: Prince Myshkin by F. M. Dostoevsky and Segeliel by V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 173–193. DOI: 10.15393/j9.art.2021.8862 (In Russ.)

Общезвестно, что духовные искания и художественные открытия В. Ф. Одоевского нашли отражение в творчестве Ф. М. Достоевского. Ученые обращали внимание на сходство философских взглядов писателей в вопросах эсхатологии, научного познания, в отношении к социальным теориям (см.: [Итокава], [Левина], [Тарасов], [Сытина, 2019a]), отмечалось и использование Достоевским некоторых литературных приемов, открытых старшим современником, определенная солидарность в отношении к фантастическому в искусстве, к эстетическим и этическим принципам «натуральной школы» (см.: [Фридлендер], [Назиров], [Турьян], [Гонсалес]). Отдельной темой для размышлений стала некоторая жанровая преемственность романов Достоевского и произведений Одоевского, который по-своему предвосхищает Достоевского, — и у него «соборно организованный “хор” голосов пытается преодолеть этот монолизм (“ложь”) индивидуальной точки зрения» [Есаулов, 2004: 128] (см. также: [Удодов], [Шульц, 2009], [Сытина, 2017]).

Князь Одоевский неизменно упоминается как один из возможных прототипов князя Мышкина (см.: [Левина], [Викторович], [Сытина, 2020]) в качестве примера реально существовавшего «положительно прекрасного»¹ человека. Однако поиски «положительно прекрасной» личности самим Одоевским в связи с творчеством Достоевского пока еще не становились предметом отдельной исследовательской рефлексии. Данная работа не претендует на исчерпывающее освещение этой непростой проблемы, ее задача — попытаться показать

значимость более общих механизмов культуры, обратившись к конкретному и, на первый взгляд, локальному материалу — образам князя Мышкина и героя драматического отрывка Одоевского «Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия».

В этом отрывке, опубликованном в «Сборнике на 1838 год», Одоевский непосредственно обращается к размышлениям о «положительно прекрасной» личности. Фрагмент изначально мыслился писателем как часть «Психологической» или «Земной» «комедии», работу над которой он начал еще в 1832 г.² и которая должна была являть собою целую мистерию на основе «бродячего сюжета» об ангеле, оказавшемся на земле и вольно или невольно заключенном в смертной оболочке человеческого тела. Однако в печати появился только ее отрывок. Рецензент «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”», откликнувшийся на публикацию, увидел авторский замысел в том, чтобы «изобразить положение в обществе существа, проникнутого любовью к человечеству, доведенною до крайности». Одоевский хотел, подобно Сервантесу, показать «благородную и смешную стороны» рыцарства, только уже современного, «слить в один фокус все филантропические мечты нашего века и противоположить их действительным условиям жизни»³. По-своему схожую задачу ставит перед собой и Достоевский в «Идиоте», только у него едва ли уместно говорить о «филантропических мечтах» XIX в., поскольку его герой прямо соотносится с евангельским идеалом и явно наследует не просвещенческой традиции, но скорее византийскому юродству (см. об этом: [Есаулов, 2019]). Однако и герой Одоевского соткан далеко не только из идей «своего» века.

Конечно, сразу же возникает вопрос, читал ли Достоевский «Сегелиеля...»? Прямых указаний на это нам обнаружить не удалось, однако вероятность такого знакомства весьма высока. В 1838 г. Достоевский уже жил в Петербурге, учился в Инженерном училище и все свободное время посвящал литературе — в том числе, следя за новинками русской словесности. Издание «Сборника...»⁴ не прошло незамеченным: рецензии на него, причем во многом посвященные отрывку Одоевского, появились в таких популярных столичных изданиях, как

«Северная пчела» и «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”»⁵.

Общность Мышкина и Сегелиеля начинает проследиваться уже в истории создания образов. Интересно, что оба писателя приходят к идее изобразить «положительно прекрасное» существо, по сути, «от противного». Достоевский, как известно, в образе «идиота» изначально хотел показать гордеца и эгоиста, но потом кардинально изменил замысел⁶. Сегелиель же появлялся в творчестве Одоевского и ранее — в фантастической повести «Импровизатор» (1834), где играл infernalную роль мага, способствовал гибели юного поэта Киприяно. Сегелиель 1838-го года — это все тот же герой (и он сам подчеркивает это в монологе), но в новом воплощении. Теперь он чиновник, и читатель застаёт его в поздний час за кипой нерешенных дел, предотвратить ход которых — значит спасти жизнь людям. Сегелиель помнит о прежнем своем коварстве, раскаивается в нем и стремится искупить его служением человечеству.

Простое ли это совпадение — «темная» предыстория «положительно прекрасного» существа — или же за этим кроется некий общий и Одоевскому, и Достоевскому культурный код, «подспудно звучащий язык культурного “предания” — с его собственной системой ценностных координат» [Есаулов, 1998: 350–351]?

Сравнивая отношение к грешникам в западноевропейской и русской культурах (сопоставляя взгляд на мучающихся в аду в «Божественной комедии» Данте и в популярном на Руси византийском апокрифе), О. фон Шульц приходит к выводу, что именно для последней характерна «безграничная жалость к страдающим, не мирящаяся с тем, чтобы даже самые ужасные грешники мучились бесконечно» [Шульц, 1998: 34]. Последовательно рассматривая мотив перерождения и духовного воскресения грешника в русской словесности, начиная с первого известного памятника письменности — «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, И. А. Есаулов обосновывает концепцию пасхального архетипа и христоцентризма как чаемого идеала русской культуры (см.: [Есаулов,

1995], [Есаулов, 2004]), «архетипичность Воскресения в русском сознании»⁷ [Есаулов, 2017: 175].

Мотив воскресения падшего создания, важность библейского цикла «сотворение — грехопадение — воскресение» [Янг: 390] и особенно «динамики воскресения» у Достоевского не раз становились предметом исследования (см.: [Есаулов, 1998], [Захаров, 1994], [Захаров, 2009]; [Кунильский], [Тарасова, 2020]). Подчеркивая традиционность такого мировоззрения, В. Н. Захаров пишет: «Любовь и милость — на этих этических основаниях держалась русская литература в древние и новые времена до Пушкина и Достоевского» [Захаров, 1998: 30]. Немаловажен этот мотив и для Одоевского — он просматривается как в отдельных повестях («Последний квартет Бетховена», «Импровизатор», «Живописец», «Живой мертвец», «Необойденный дом» [Сытина, 2019b: 54–55, 341], [Сытина, 2015]), так и в целом «Русских ночей», которые заканчиваются пламенной проповедью веры во всепрощение и преображение, в великое будущее человечества и России.

Возвращаясь к вопросу о «темной» предыстории «положительно прекрасных» героев Достоевского и Одоевского, выдвинем гипотезу, что она не случайна: за осознанным или подсознательным стремлением заменить мрачного и грешного героя героем «положительно прекрасным» у обоих писателей проступает именно пасхальный архетип.

Однако же вопросы о соотношении образов «положительно прекрасной» личности у Достоевского и Одоевского на этом только начинаются. Их герои имеют немало общего: они любят мир сострадательной, деятельной любовью, но оба изначально чужды ему, инаковы по самой своей природе и осознают эту инаковость. «Ненормальность» Сегелиеля подчеркивается буквально — это дух в мертвенной оболочке человеческого тела. Мышкина «чужим» делает долгая болезнь, осознаваемая им как некое мистическое откровение. Он «спускается» на русскую землю со швейцарских гор, с самого начала поражая странностью как своей одежды, так и поведения. У обоих героев совсем не «мирская» иерархия людей: Мышкин дружески беседует с лакеем генерала Епанчина, Сегелиель пренебрежительно относится к прошениям о чинах, много

более важным почитая попечение о несчастных обездоленных и больных людях.

Как и Мышкин, помимо любви к человечеству, Сегелиель испытывает и земную любовь к женщине. И у Достоевского, и у Одоевского таинственное «земное чувство» терзает героя, не принося им счастья.

У обоих писателей важным оказывается мотив брэнности и слабости человеческой плоти. Сегелиель, погруженный в разбор государственных дел поздней ночью, сокрушается, что «земная природа просит своего»: тело «ослабло, глаза смыкаются», его возмущает брэнность тела и сил человеческих при величии замыслов и духа; в надежде набраться сил герой выпивает опиум — напиток, который «прогоняет сон и — рождает болезни»⁸. Но собственное здоровье не интересует Сегелиеля, он не задумываясь жертвует им во благо человечества. Однако жертва оказывается напрасной. Луцифер⁹, невидимый Сегелиелю, хохочет над его устремлениями (как некогда сам Сегелиель хохотал над Киприяно — в повести «Импровизатор»), простирает над ним крылья, тот «долго борется и наконец засыпает глубоким сном» (*Одоевский*, 95).

Далее над Сегелиелем пролетают Дух полудня и Дух полуночи. Из их беседы у изголовья спящего становится понятно, что Сегелиель «любит все в этом мире; но любит и Луцифера»:

«Чудное дело! Любовь, сострадание к людям влечет его в вечную бездну. Несчастный, растерзанный злом человека, ропщет на благодать Творца и, безумный, Его обвиняет!..» (*Одоевский*, 96).

В таком взгляде героя на Бога как на злого Творца и в стремлении самому стать неким демиургом усматриваются гностицистические представления о мироздании, которые порой приписывают самому Одоевскому (см., напр.: [Вайскопф: 111–113]). Однако авторская позиция угадывается скорее в беседе духов, которые жалеют Сегелиеля и винят Луцифера за то, что тот «осквернил в нем и райское чувство» (*Одоевский*, 96). Именно то чувство, которое, как замечают духи, «томит Луцифера больше, чем все его страдания вместе...» (*Одоевский*, 96). В черновиках раскаяния Луциферу будет желать и сам Сегелиель [Сакулин: 54].

В таком взгляде на «муки» «отца лжи» вновь угадывается отмеченное выше чаяние прощения и спасения всех и вся, характерная для русской культуры жалость к падшим, генетически являющаяся «отражением взглядов двух великих представителей христианского Востока, учителя церкви Оригена, жившего в конце II и в III веке, и епископа Нисского Григория» [Шульц, 1998: 34], согласно чаяниям которых в конце концов спасется и нечистая сила, и даже сам «отец лжи».

Но напрасно Сегелиель тщится припомнить сон, в котором духи ведут столь важный для него разговор — суть сна от него ускользает. Теперь он испытывает терзания Киприяно — все видит и понимает «в настоящую минуту» (Одоевский, 90), но будущее и прошлое остаются для него загадками. Томимый деятельной любовью к человечеству, герой терзается сомнениями в своих силах:

«Если бы мог я верить, что мои мысли — добро, что я страдаю не напрасно, что когда-нибудь мои страдания принесут добрый плод людям? Нет и этой уверенности!.. А чувство любви к человечеству пылает в душе моей, мучит меня... <...> Зачем не могу я, подобно другим людям, назначить пределы моему чувству, спокойно избрать предмет и спокойно заниматься им, забывая о вселенной?» (Одоевский, 90).

«Спокойно избрать предмет и спокойно заниматься им» не может и Мышкин, желающий всем помочь, всех сделать счастливыми. Также и другие герои Достоевского далеки от «спокойных» занятий: «русским мальчикам» не интересны «цены на говядину», и Раскольников не может стать Разумихиным.

Сегелиель, как впоследствии герои-бунтари Достоевского, стремится переделать мир без помощи Бога, не имея упования на него. Но дело здесь не в *бесовской*¹⁰ гордыне, а в уже упомянутом «оскверненном» чувстве Рая, в сочувствии Сегелиеля Луциферу и в одновременном ужасе перед ним, в ропоте на Творца «за неполную власть» над отцом лжи (цит. по: [Сакулин: 54]). Сакулин пишет: «Сегелиель не мог примирить существование в мире зла с идеей Бога, власти Луцифера с властью Творца вселенной. <...> мотив его падения — не личная гордыня, а, так сказать, философское сомнение в всемогуществе и благодати Творца» [Сакулин: 54]. Если это так,

то отсюда недалеко до бунта Ивана Карамазова, до философии Великого инквизитора — во всяком случае, гораздо ближе, чем до смиренного и радостного приятия бытия князем Мышкиным.

Злые духи играют Сегелиелем и морочат его, хотят «любовь» «переплавить в проклятье». Становится понятна беда героя Одоевского — смешение добра и зла, ропот на Творца, стремление «улучшить» созданный им мир, которое без любви к Богу «влечет его в вечную бездну». В этом послыле — «любовь ли хотят переплавить в проклятье» — угадывается сложная диалектика добра и зла, выстраиваемая и героями Достоевского. Наиболее яркий пример — теория Шигалева:

«Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом» (*Достоевский*, 10, 311).

Одоевский, как и Достоевский, предчувствовал, куда могут привести филантропические теории, из которых исключается Божий промысел¹¹. Но если у Достоевского трагедия обретает вселенский масштаб, то у Одоевского страдает пока только сам герой. Более развернутую картину представит писатель в своих антиутопиях. Анализируя их в сопоставлении с творчеством Достоевского, Б. Н. Тарасов приходит к выводу: для обоих писателей было очевидно, что «политическое, экономическое, культурное, научное развитие и успехи каждой нации получают реальное содержание и подлинное значение при единении людей во имя общего духовного и нравственного идеала в “законе любви”, а не для спасения “животишек” и господства жизнеощущения “после меня хоть потоп” в “законе Я”» [Тарасов: 157].

Сегелиель, как и Одоевский, мечтает о высшем знании, о синтезе наук и искусств, что подчеркивается уже описанием его кабинета («Стол с кипами бумаг, книгами, рисунками, кругом музыкальные инструменты, физические и химические заряды» (*Одоевский*, 89)). В ином роде, но тоже о высшем знании, вскрывающем «концы и начала» жизни, мечтали и Достоевский с Мышкиным. Но скольким современникам обоих писателей эти мечты о высшем представлялись или пустой фантазией, или мракобесием, или прямо

сумасшествием? Подобным образом выстраивается и отношение к их героям в произведениях.

В «Сегелиеле...» ночная мистерия с явлением Луцифера меркнет перед прозой жизни, открывающейся герою утром. Когда секретарь приходит забрать бумаги у чиновника, тот в ужасе признается, что не успел закончить работу над ними. И тогда, пораженный наивностью молодого коллеги, секретарь объясняет ему бессмысленность подобных терзаний:

«Что вы ни напишите — решат другие; следственно, вы всегда в стороне... Лекарь будет морить людей, смело говорите: не я виноват; другие позволили уничтожить благотворительное заведение — опять не я виноват — другие приказали; а как залежались у вас бумаги, то тут вы виноваты, а не кто другой...» (Одоевский, 101).

В ответ на «полезные» советы по сбыванию бумаг Сегелиель возмущенно взывает к совести и в негодовании выбегает из комнаты. В глазах чиновника он предстает как полусумасшедший гордец, которого нужно проучить.

Хотя существование «небесного» Рая в отрывке Одоевского не подвергается сомнению, в том числе и самим героем, Сегелиель мечтает о рае земном, все свои силы он жаждет направить на просвещение человечества. Тем трагичнее положение Сегелиеля после отповеди секретаря, и еще трагичнее оно станет потом (в черновом продолжении мистерии), когда окажется, что его деятельность не слишком нужна и, во всяком случае, непонятна людям — они охотнее верят Луциферу, видя в нем подлинный свет просвещения.

Самозабвение, самоотверженность, бесконечность любви характерны и для Мышкина, и для Сегелиеля, но первый в своей смиренной любви напоминает «благословения нагорной проповеди <...>. И словно о нем сказаны слова апостола Павла о любви» [Мюллер: 375]. О Сегелиеле такого никак не скажешь — он надеется именно на себя и на свои познания, неудачи порождают в нем не смирение, но бунт. Героя Достоевского нередко «обвиняют» в том, что у него «отсутствует мужество <...> у него нет воли к самоутверждению, решимости там, где она необходима» [Мюллер: 375]. О Сегелиеле этого нельзя сказать, он исполнен решимости, но из-за обилия

дел не знает, как за них приняться, и его деятельность оказывается ничуть не плодотворнее бездействия.

Оба героя чувствуют и светлую, и темную стороны своей натуры. Мышкин в ответ на признание Келлера в том, что слезная исповедь боксера имела также цель разжалобить князя и выманить у него денег, вдруг сам кается в «двойных мыслях», с которыми «ужасно трудно бороться»: «Бог знает, как они приходят и зарождаются» (*Достоевский*, 8, 258). Сердце Сегелиеля устремлено к деятельному добру, оно отвращается от Луцифера к Богу, но ум героя «ропщет на Творца», добро и зло мешаются в его сознании. Нестерпимое противоречие между «потребностью деятельности и невозможностью действовать» (цит. по: [Сакулин: 57]), как выразится Одоевский в черновиках, терзает героя, нет у него и уверенности в благости своих дел для людей, о чем уже было сказано выше.

Сегелиель — дух, но он рационален и делает ставку на законы, постановления правительства, научные доказательства. Мышкин же, напротив, «высший синтез жизни» (*Достоевский*, 8, 188) видит в иной реальности, прорывающейся в его болезни, он «призрак», стремления которого направлены к инобытию, но его затягивают в земной мир, заставляют жить, сам же он мечтает «бежать», но остается, поскольку верит, «что пред ним стоят такие задачи, что не разрешить или по крайней мере не употребить всех сил к разрешению их он не имеет теперь никакого даже и права» (*Достоевский*, 8, 256).

Несмотря на явные различия, и Мышкин, и Сегелиель смешны с точки зрения «здравого смысла», их поведение кажется странным людям «нормальным», благие намерения зачастую вызывают недоумение, оба они, так или иначе, сравниваются с образом Дон Кихота. Мышкин, помимо этого, явно наследует некоторые черты юродства и в целом вписывается в православную христианскую традицию [Есаулов, 2019]. Сегелиель Одоевского непосредственно с нею не соотносится, наследуя скорее западноевропейской мистике. Однако ошибочно было бы на этом основании делать вывод, что Одоевский чужд православной традиции, раз не воспользовался ее аллюзиями, пытаясь изобразить *положительно прекрасную* личность. И здесь мы подходим к принципиально важному

вопросу в трактовке как «Сегелиеля...», так и других произведений Одоевского — соотношению автора и героя¹².

По мнению Сакулина, «в автобиографическом значении и субъективных чертах Сегелиеля нет никакого сомнения», Одоевский воплотил в Сегелиеле «идеал чиновника, энциклопедически образованного и беззаветно преданного благу людей», «идеал бюрократического филантропа» [Сакулин: 59–61]. Такая трактовка представляется чересчур прямолинейной и не учитывает важнейшей особенности «драматического отрывка» — иронии.

Ключевым в авторском отношении к герою можно считать обозначенный им жанр отрывка — «Сказка для старых детей». Жанр и адресат задают изначальную иронию, призванную предварить насмешки «взрослых» и «серьезных» читателей по отношению к тем, кто так и не стал «взрослым», даже состарившись. Детство становится еще одной темой, объединяющей произведения Одоевского и Достоевского, но она объединяет не двух героев, а персонажа и писателя — Мышкина и Одоевского. В сущности, то же можно сказать и о традиции юродства: если Сегелиель никак с ней не соотносится, то его автор, поведение которого многим современникам представлялось странным чудачеством, вполне может быть соотнесен с ней. «Юродствованием» Одоевского можно назвать и «Сегелиеля...» — эту провокационную «сказку для старых детей». Ведь «взрослый» читатель, посмеявшись над Сегелиелем, с неизбежностью встанет на позицию, так или иначе близкую ко мнению секретаря. И вот тут-то он и должен бы осознать собственную «взрослость» и далекость от идеала «детства», то есть собственную греховность.

9 августа 1838 г. Федор Михайлович писал брату:

«...какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — *чистилище духов небесных, туманенных грешною мыслию*. Мне кажется, мир принял значение отрицательное и *из высокой, изящной духовности вышла сатира*. Попадись в эту картину лицо, не разделяющее ни эффекта, ни мысли с целым, словом, совсем

постороннее лицо... что ж выйдет? Картина испорчена и существовать не может!» (курсив мой. — Ю. С.) (*Достоевский*, 28₁, 50).

Как знать, не отрывком ли Одоевского навеяны эти образы? «Чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию» — это ведь совершенно о Сегелиеле. И в целом у Одоевского действительно «из высокой, изящной духовности вышла сатира». Чтобы стать подлинно «положительно прекрасным», Сегелиелю — как представляется, именно так можно реконструировать авторское видение — нужно порвать нити, связывающие его с Луцифером, и вернуться к Творцу.

Таким образом, множество пересечений существует между образом Сегелиеля, его автором и образом князя Мышкина. Мог ли Достоевский в какой-то мере сознательно учитывать драматический отрывок Одоевского? Насколько личность самого писателя отразилась и отразилась ли в романе «Идиот»? Вероятно, это такие вопросы, ответы на которые могут быть только гипотетическими. Но важен тот культурный код, который проступает в творчестве русских писателей, стремившихся в грубой телесной оболочке, неизбежно несвободной от первородного греха, найти земное воплощение правды, добра и красоты.

Примечания

- ¹ Такое определение чаемого идеала личности, как известно, предложил Достоевский в письме к А. Н. Майкову, размышляя о главном герое задуманного им романа («Идиот»). См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1985. Т. 28₂. С. 251. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора курсивом, тома, (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. См. также: [Захаров, 2009: 637].
- ² См. подробнее: [Сакулин: 51–68]; об истории публикации см. также: [Измайлов].
- ³ Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». СПб. 1838. № 16. С. 312.
- ⁴ Сборник появился весной (цензурное разрешение на издание — 8 марта 1838 г.).
- ⁵ Вероятность знакомства Достоевского со «Сборником...» повышает и то, что в нем были опубликованы сцены из «Уголино» Н. А. Полевого — произведения, о котором Федор Михайлович особо упоминал

- в письме брату Михаилу. Но более правдоподобно, что Достоевский ознакомился не с отрывками пьесы, а с полным ее текстом по отдельному изданию.
- 6 История создания «Идиота» подробно освещена в исследовательской литературе (см., например: [Захаров, 2009]).
 - 7 При этом нелишне заметить: «Искать догматику в художественных произведениях — ошибочная затея с любых точек зрения: это значит просто не понимать природу художественного творчества» [Захаров, 2005: 15]; «...православная традиция “на молекулярном уровне” пронизала художественный мир русской литературы» [Шешунова: 15].
 - 8 Одоевский В. Ф. Сегелиель или Дон Кихот XIX столетия // Сборник на 1838 год. СПб.: Тип. А. Воейкова и Комп., 1838. С. 91. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием фамилии автора курсивом и страницы в круглых скобках.
 - 9 У Одоевского, а затем у П. Н. Сакулина именно такое написание Люцифера. Во избежание путаницы нами был принят вариант написания Одоевского — Луцифер.
 - 10 По замечанию П. Н. Сакулина, «для Одоевского (как и для Жуковского) характерно то, что его творческое внимание привлекает не гордый и мятежный Луцифер (как это видим у Байрона), а любвеобильный Сегелиель-Аббадона. Сегелиель — падший ангел, изгнанный на землю — сюжет рассказа Л. Н. Толстого “Чем люди живы”. Сегелиель также будет учить людей тому, чем они могут быть живы» [Сакулин: 56].
 - 11 Любопытно, что у Достоевского за несколько лет до написания «Идиота» в записной книжке появится такая фраза о либералах 40-х годов: «...отживших людей, ходячих трупов, Абaddonн, от земли отставших...» [Тарасова, 2001: 370].
 - 12 Неразличение автора и героя почти неизбежно приводит исследователя к выводу об «эклектике» Одоевского [Вайскопф: 616], что несправедливо по отношению к человеку, стремившемуся к целостному знанию, и превращает его в какого-то восторженного и ограниченного чудака.

Список литературы

1. Вайскопф М. Я. Влюбленный демиург: метафизика и эротика русского романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 696 с.
2. Викторovich А. В. Нефантастичность «фантастичного “Идиота” // Неизвестный Достоевский. 2018. № 1. С. 3–19 [Электронный ресурс]. URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524745042.pdf (25.08.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3401
3. Гонсалес А. А. «Живой мертвец» и «Двойник», или еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 4. С. 170–183 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757961.pdf (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3766

4. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. 288 с.
5. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 349–362 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526
6. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Крут, 2004. 560 с.
7. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2017. 550 с.
8. Есаулов И. А. Объяснение, интерпретации, понимание (на материале романа «Идиот») // Достоевский и мировая культура: Петербургский альманах. СПб.: Серебряный век, 2019. № 37. С. 38–50.
9. Захаров В. Н. Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. С. 37–49.
10. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 5–30 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472
11. Захаров В. Н. Ответ по существу // Проблемы исторической поэтики. 2005. Вып. 7. С. 5–16 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2564> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564
12. Захаров В. Н. Воскрес ли мертвый Христос? // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. Т. VIII: Идиот. С. 634–660.
13. Измайлов Н. В. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 303–325.
14. Итокава К. Владимир Федорович Одоевский и Федор Михайлович Достоевский: обзор истории сравнительного исследования их творчества и некоторые соображения по поводу еще одной творческой связи «Русских ночей» и «Преступления и наказания». Мазбаси: Государственный технологический институт Гунма, 1987. 50 с.
15. Кунильский А. Е. О христианском контексте в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 391–408 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2532> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2532
16. Левина Л. А. Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 139–152.
17. Мюллер Л. Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 375–379 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2529> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2529
18. Назиров Р. Г. Владимир Одоевский и Достоевский // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 37–41.

19. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель: в 2 т. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. Т. 1. Ч. 2. 479 с.
20. Сытина Ю. Н. Икона в художественной прозе В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 161–173 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449768369.pdf (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2921
21. Сытина Ю. Н. Евангельский текст и подтекст в повестях И. И. Панаева «Дочь чиновного человека» и В. Ф. Одоевского «Живописец» // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 4. С. 69–83 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1512470126.pdf (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4721
22. Сытина Ю. Н. О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 128–147 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusklassika.ru/images/2019-1-2/05.pdf> (25.08.2020). DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147 (a)
23. Сытина Ю. Н. Сочинения князя В. Ф. Одоевского в периодике 1830-х годов. М.: Индрик, 2019. 392 с. (b)
24. Сытина Ю. Н. Пасквиль П. В. Долгорукова на В. Ф. Одоевского как возможный прототекст статьи Келлера в «Идиоте» Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 84–106 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666875.pdf (25.08.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381
25. Тарасов Б. Н. Утопизм западного рационализма, позитивизма и утилитаризма в зеркале антропологической и историософской мысли Ф. М. Достоевского и В. Ф. Одоевского // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 135–163 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561975982.pdf (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6302
26. Тарасова Н. А. «Абaddonны, от земли отставшие»: непрочитанная запись Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2001. Т. 6. С. 369–382 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2635> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2635
27. Тарасова Н. А. «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 2. С. 190–216 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591724740.pdf (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962
28. Турьян М. А. Об эпитафии к «Бедным людям»: модификации рефлектирующего / «разорванного» сознания // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1997. Т. 14. С. 88–95.
29. Удодов Б. Т. Очерки истории русской литературы 1820–1830-х годов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. 379 с.
30. Фридлендер Г. М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 7–26.

31. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Проблемы исторической поэтики. 2008. Т. 8. С. 6–17 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2589
32. Шульц А. С. «Русские ночи» В. Ф. Одоевского и полифонические романы Ф. М. Достоевского // Филологические науки. М.: Грамота, 2009. № 6. С. 21–26.
33. Шульц О. фон. Русский Христос // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 31–41 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2473> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2473
34. Янг С. Библейские архетипы в романе Достоевского «Идиот» // Проблемы исторической поэтики. 2001. Вып. 6. С. 382–390 [Электронный ресурс]. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2636> (25.08.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2636

References

1. Vayskopf M. Ya. *Vlyublennyy demiurg: metafizika i erotika russkogo romantizma* [*The Demiurge in Love: Metaphysics and Erotica of Russian Romanticism*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 696 p. (In Russ.)
2. Viktorovich A. V. A Non-Fantastic Character of the «Fantastic Novel “The Idiot”». In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 1, pp. 3–19. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1524745042.pdf (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3401 (In Russ.)
3. Gonsales A. A. “The Living Corpse” and “The Double”, or Once Again About the Fantastika of Dostoevsky (Based on the Observations of the Translator). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2016, vol. 4, pp. 170–183. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482757961.pdf (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3766 (In Russ.)
4. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [*The Category of Sobornost' in Russian Literature*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.)
5. Esaulov I. A. Easter Archetype in Fyodor Dostoevsky’s Poetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 1998, no. 5, pp. 349–362. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2526> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2526 (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti* [*Paskhal'nost' of Russian Literature*]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
7. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [*Russian Classics: A New Understanding*]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)
8. Esaulov I. A. Explanation, Interpretation, Understanding (Based on the Novel “The Idiot”). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: Peterburgskiy al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Petersburg Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2019, no. 37, pp. 38–50. (In Russ.)

9. Zakharov V. N. The Symbolism of Christian Calendar in Fyodor Dostoevsky's Works. In: *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo [New Aspects of Dostoevsky Studies]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, pp. 37–49. (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Russian Literature Ethnopoetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 5–30. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472 (In Russ.)
11. Zakharov V. N. Debating Substantial Issues. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, issue 7, pp. 5–16. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2564> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2564 (In Russ.)
12. Zakharov V. N. Creative Process as the Discovery of the Word. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2009, vol. 8, pp. 634–660. (In Russ.)
13. Izmaylov N. V. Pushkin and Prince V. F. Odoevsky. In: *Izmaylov N. V. Ocherki tvorchestva Pushkina [Izmailov N. V. Essays on Pushkin's Works]*. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 303–325. (In Russ.)
14. Itokawa K. *Vladimir Fedorovich Odoevskiy i Fedor Mikhailovich Dostoevskiy: obzor istorii sravnitel'nogo issledovaniya ikh tvorchestva i nekotorye sobrazheniya po povodu eshche odnoy tvorcheskoy svyazi «Russkikh nochey» i «Prestupleniya i nakazaniya» [Vladimir Fedorovich Odoevsky and Fyodor Mikhailovich Dostoevsky: Review of the History of a Comparative Study of Their Works and Some Thoughts on Another Creative Connection Between "Russian Nights" and "Crime and Punishment"]*. Maebashi, Gunma University Publ., 1987. 50 p. (In Russ.)
15. Kunilskiy A. E. The Study of Christian Context in Fyodor Dostoevsky's Novel the Idiot. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 1998, vol. 5, pp. 391–408. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2532> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2532 (In Russ.)
16. Levina L. A. Two Princes (Vladimir Fedorovich Odoevsky as a Prototype of Lev Nikolaevich Myshkin). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 139–152. (In Russ.)
17. Müller L. Image of Christ in Fyodor Dostoevsky's Novel The Idiot. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 1998, vol. 5, pp. 375–379. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2529> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2529 (In Russ.)
18. Nazirov R. G. Vladimir Odoevsky and Dostoevsky. In: *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let [Russian Classical Literature: A Comparative Historical Approach. Studies of Different Years]*. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 37–41. (In Russ.)

19. Sakulin P. N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz' V. F. Odoevskiy. Myslitel'. — Pisatel': v 2 tomakh* [From the History of Russian Idealism. Prince V. F. Odoevsky. Thinker. — Writer: in 2 Vols]. Moscow, M. and S. Sabashnikov's Publ., 1913, vol. 1, part 2. 479 p. (In Russ.)
20. Sytina Yu. N. An Icon in the Prose of V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 161–173. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449768369.pdf (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.2921 (In Russ.)
21. Sytina Yu. N. The Gospel Text and Subtext in the Stories “The Daughter of a High Official” by Ivan Panaev and “The Painter” by Vladimir Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2017, vol. 15, issue 4, pp. 5–16. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1512470126.pdf (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4721 (In Russ.)
22. Sytina Yu. N. The Formula “Two Times Two Is Four” in the Russian Classics and Its Possible Origins. In: *Dva veka russkoy klassiki* [Two Centuries of Russian Classics], 2019, vol. 1, no. 1, pp. 128–147. Available at: <http://rusklassika.ru/images/2019-1-2/05.pdf> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.22455/2686-7494-2019-1-1-128-147 (In Russ.) (a)
23. Sytina Yu. N. *Sochineniya knyazya V. F. Odoevskogo v periodike 1830-kh godov* [Works of Prince V. F. Odoevsky in the Periodicals of the 1830s]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 392 p. (In Russ.) (b)
24. Sytina Yu. N. P. V. Dolgorukov's Lampoon of Odoevsky as the Potential Proto-Text of Keller's Article in The Idiot by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 84–106. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666875.pdf (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4381 (In Russ.)
25. Tarasov B. N. The Utopianism of Western Rationalism, Positivism and Utilitarianism in the Mirror of an Anthropological and Historiosophic Thought of F. M. Dostoevsky and V. F. Odoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 2, pp. 135–163. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561975982.pdf (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6302 (In Russ.)
26. Tarasova N. A. Abaddons Who Abandoned Their Earthly Lives: An Unread Fyodor Dostoevsky's Note. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2001, vol. 6, pp. 369–382. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2635> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2635 (In Russ.)
27. Tarasova N. A. “Voskreseniye” and “Voskreshenie” in Fyodor Dostoevsky's Novel “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2020, vol. 18, no. 2, pp. 190–216. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1591724740.pdf (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962 (In Russ.)

28. Tur'yan M. A. About the Epigraph to Poor People: Modifications of the Reflective / "Torn" Consciousness. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 88–95. (In Russ.)
29. Udodov B. T. *Ocherki istorii russkoy literatury 1820–1830-kh godov* [*Essays on the History of the Russian Literature of the 1820–1830s*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2004. 379 p. (In Russ.)
30. Fridlender G. M. On Some Immediate Tasks and Problems of the Study of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, vol. 4, pp. 7–26. (In Russ.)
31. Sheshunova S. V. National Image of the World as an Ethnopoetical Category in Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2008, vol. 8, pp. 6–17. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2589> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2008.2589 (In Russ.)
32. Shults A. S. "Russian Nights" by V. F. Odoevsky and the Polyphonic Novels by F. M. Dostoevsky. In: *Filologicheskie nauki* [*Philological Sciences*]. Moscow, Gramota Publ., 2009, no. 6, pp. 21–26 (In Russ.)
33. Schultz O. fon. Russian Christ. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 1998, vol. 5, pp. 31–41. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2473> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2473 (In Russ.)
34. Young S. Biblical Archetypes in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2001, vol. 6, pp. 382–390. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2636> (accessed on August 25, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2636 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сытина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6334-4722>; e-mail: yulyasytina@yandex.ru.

Yuliya N. Sytina, PhD (Philology), Associate Professor of the Russian Classic Literature Department, Moscow Region State University (ul. Fridrikha Engel'sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6334-4722>; e-mail: yulyasytina@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.08.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.12.2020

Принята к публикации / Accepted 11.01.2021

Дата публикации / Date of publication 05.02.2021